

Поэты

Мы видели свет и плутали во мгле,
судьбу облакая в слова.

Мы были своими на этой земле,
как ветер, как дождь, как трава.

Мы много умели и мало могли,
со смертью играли подчас.

И лучшие женщины этой земли
любили безжалостно нас.

Когда мы спим, деревья бродят
по неприкаянной земле.

Их корни места не находят.

И души их скорбят во мгле.

Скорбят о прошлом и грядущем,
о том, что снегом замело,
тоскуют по эдемским кущам,
не знавшим про добро и зло...

А утром выглянешь в тревоге
в окно, подёрнутое тьмой...
«Да вон же — ива у дороги...
Вернулась, блудная, домой!...»

Ночь за окном завывает натужно,
ищет кого-то во мгле...
Нам с тобой ничего не нужно
на нелюбимой земле.

Пусть наше время не в нашей власти,
но до последнего дня
нам ничего не нужно для счастья,
кроме тебя и меня.

Я помню ту страшную вьюгу,
лет двести, наверно, назад.
Как, всю сотрясая округу,
февральский бесчинствовал ад.
Как выло, хрипело, свистело,
сбивало безжалостно с ног...
Но, даже под страхом расстрела,
я с места сойти бы не смог.
И, вмёрзши в сугроб по колено,
я гиб, как солдат на войне...
Ведь ты в этой точке вселенной
свиданье назначила мне.

Пространство октября заполнено листвой
под самую завязку.

Так низко облака ползут над головой.

Так время медленно и вязко.

Не парься, что зима уже за тем углом.

Туда ещё живым добраться надо.

Всё вопиет о том, что жизнь — сплошной облом.

А ты талдычишь тупо, что награда.

Забудься и забудь. На лавке посиди.

На небо погляди без грусти и укора.

Туда тебе ещё не надобно идти.

Туда ещё не скоро.

Но как ты ни крути, а жизнь опять права.

Она тебе задаст ещё задачи.

И время неразменно, как листва.

И нету сдачи.

Неприкаянная старость.

Злая благодать...

Жизнь прошла. А мы остались —

помнить и страдать.

Жизнь прошла. И нам не надо

возмущаться тут.

Смерть — хорошая награда,

да не тем дают.

Жизнь прошла. И что тут скажешь?

Вот и все дела.

Жизнь прошла. А чем докажешь,

что она была?

Поэт не должен быть счастливым.
Он не для этого рождён.
Его удел — больным и сирым
брести куда-то под дождём.

И чтоб его вела кривая
и очень скользкая стезя,
и вьюга пела, завывая...
Ему без этого нельзя.

Поэт не должен быть богатым,
успешным, бравым и лихим.
Голодным и слегка поддатым
обязан он писать стихи.

И чтоб его терзали беды.
И чтоб снедали страх и стыд...
А поражение от победы
румяный критик отличит.

всё кончится когда-нибудь увы
нет вечного на бренном этом свете
всё кончится и я и ты и вы
и эти облака и звёзды эти
всё кончится в один ужасный час
без всякого суда и приговора
всё кончится не спрашивая нас
внезапно вдруг и может очень скоро
и жуткий гул раздастся в вышине
и разлетится вдребезги фрамуга
а мы с тобой лежим спина к спине
и дуемся зачем-то друг на друга

Когда работаешь метлой
или совковую лопатой,
не думаешь о жизни злой
и о судьбе своей горбатой
и не клянёшь мирскую ложь,
и человечество не хаешь,
а просто-напросто скребёшь,
а просто-напросто махаешь.
Особенно, когда снега
завалят город по колено.
Гребёшь, не помня ни фига
о суете и доле бренной,
о кредиторах и долгах,
о распоясавшейся власти...
До слёз в сияющих глазах,
до просветления,
до счастья...

Научи их разуму, учитель, —
сырых, обездоленных, слепых.
Истины высокую обитель
отвори доверчиво для них.
Тесные отверзны им глазницы.
Приведи их к вере и любви.
А когда настанет час проститься,
как детей своих, благослови.

И они пойдут по белу свету
жать тобой посеянную рожь,
выдавать за чистую монету
о тебе заведомую ложь,
сочинять сомнительные книжки
про тебя, как вздумается им,
все свои ничтожные делишки
осеня именем твоим.

Песнь о великой вселенской брани

...И вот мы встали к плечу плечом —
Балда, Емеля, Иван-дурак...
Но нам не выдюжить нипочём —
со всех сторон обступает враг.

Иван-царевич уже давно
собрал манатки — и след простыл.
От супостата в глазах темно.
И Змей Горыныч заходит в тыл...

Ох, не хватает у нас мощей!
Ох, все мы, братцы, поляжем тут!
А на подмогу врагам Кощей
с Поганым Идолицем идут.

Сверкает саблями вражья рать,
грохочут ядра, свистит свинец...
И так не хочется помирать.
А в этой сказке плохой конец.

Но минет время, и в некий час
бойцы другие отмстят за нас.
И встретят ворога бок о бок
Жучка, внучка и Колобок.

...и взыщет за всё, что содеять смогли,
за каждую пядь убиенной земли,
за каждый глоток осквернённой воды,
за жадность, доведшую нас до беды,
за лютые страсти, за злые грехи...
и за равнодушные наши стихи...

Зима уже кончается.
А мы ещё живём.
Чего же нам печалиться
о будущем своём?
Чего же нам тревожиться?
Живём — и все дела!
И розовая кожица
на сердце выросла.
Вот наскребём на курево,
И можно песни петь.
И в завтрашнее хмурево
без ужаса глядеть.

когда глаза мои сухи
и не бежит мороз по коже
я не могу писать стихи
и прозу тоже
как будто все они во мне
до дна последнего иссякли
и я ступаю по земле
как смертный всякий

Мечтай, мечтай — оно не вредно,
желай, желай — пока живой,
покуда солнца шарик бледный
ещё парит над головой.

А счастье — не по нашей части,
не по ранжиру — благодать.
Проснулся утром — вот и счастье.
Чего ж ещё тебе желать?

И ничего не будет — счастья, величия, славы...
Всё смывает бесследно Леты слепая вода.
Всё пожирает время — зверь стотысячеглавый,
жалкие кости бывшего выплёвывая иногда.

Как ни крути, в итоге этой бодяги длинной,
этой нелепой хрени, сляпанной вкривь и вкось,
тот, кто слепил всё это, скомкает в длани глину,
грустно вздохнёт и скажет: «Снова не удалось!»

Время покажет,
кто виноват.
Время покажет —
в рай или в ад.
Время покажет —
свет или мрак.
Время покажет.
Да ещё как!

Я долго тебя искал,
сквозь снега идя и дожди,
среди нелюдимых скал,
оскаленных бездн среди,
кричал безответно в ночь,
пытаясь тебя найти,
не в силах тебе помочь,
не в силах тебя спасти...

Вернулся назад ни с чем
в тревожного утра тишь.
А ты на моём плече,
во сне улыбаясь, спишь.

терпеть терпеть терпеть
тащить тащить тащить

а мне хотелось петь
а мне хотелось жить
а я рождён любить
а я рождён летать

катить катить катить
толкать толкать толкать

На тысячу эонов
всего один поэт.
И для него законов
на этом свете нет.

Ему под небом тесно,
как ангелу — в тюрьме.
Он видит свет небесный
в крошечной этой тьме.

Он смерть целует в губы.
Он жизнь целует в лоб.
Ему такие любу,
что краше только в гроб.

Он пишет что захочет.
Он мир скатал в яйцо.
Он вечности хохочет
в прыщавое лицо.